

БЫЛОЕ И ДУМЫ ГЕННАДИЯ РОЖДЕСТВЕНСКОГО

Большой театр откроет 225-й сезон не традиционным «Иваном Сусаниным», а «Борисом Годуновым»

Андрей Хрипач

МНОГОЛЕТНЯЯ советская традиция Большого театра ежегодно облоупать сцену Глинкой и его «Иваном Сусаниным» нарушалась и прежде. На рубеже 1980-1990-х вместо «Сусанина» несколько сезонов подряд шла контрольная в научном и методическом смысле в художественном отношении реконструкция «Жизни за царя». Чуть позже, на закате «эпохи Григоровича-Лазарев» и на заре «эпохи Васильева» 219-й сезон в 94-м году открывался «Пиковой дамой» под управлением только что вернувшегося из Лондона Марка Эрихтера Следующий, 220-й сезон Васильев, видимо, из-за слухов подчеркнул преемственность власти Большого символически обозначил «Спартак» Юрия Григоровича. Учитывая имеющиеся прецеденты, нынешнее открытие Большого театра «Борисом Годуновым» не представляется чем-то из ряда вон. Такое решение принято по инициативе Геннадия Рождественского, который на днях приступил к выполнению обязанностей исполнительного руководителя ГАБТа и который свое возвращение в Большой театр в качестве мастера отмечает 15 сентября праздником народной музыкальной драмы Мусоргского. Почему бы и нет. Во всяком случае, «Борис» как-то острее соответствует современной действительности в плане привычного к безум и страданиям Отечеству.

16-й полдень Большого. Все как будто не старое, но все живое на своих местах — выстроились зрители, самая верхняя пирамида Гегерландия, директор Анатолий Насонов и его заместители, исполнительный директор Александр Воронин (интервью с ним читает в ближайший номер «ИГ»), пытаясь шутливо внять бабонин и проблем и недоволь, оставивших в наследство прежним руководителем. Во вращении на круги своя происходит не только у известной баритона, но и у всемирно признанного дирижера В. Рачинского в художественном смысле театра: об исправлении его во многом утраченной творческой репутации проводит час и дни новый художественный руководитель Геннадий Рождественский.

Видите, сидю — с будущими баритонами, через час сидю по «Борису Годунову». Буду знакомиться с оркестром и солистами. Если же вы хотите спрашивать сейчас о моих творческих намерениях, о моей реформаторской деятельности на пути перестройки Большого театра и перспективах его репертуарного баланса, то, думаю, это преждевременно. Одно я могу сказать. Мне стало известно о неожиданном приглашении в Большой театр не так давно. В мае 2001 года я собирался делать в Музыкальном театре Станиславского и Немировича-Данченко прокофьевский «Итрома» в первой редакции, которая никогда еще не шла на сцене и которую Прокофьев собирался ставить в Мейерхольдовском в Мариинском театре, но помешала война. Отличные редакции большие — и по тексту, и по инсценировке, по-другому выстроены драматургия, иные художественные средства решил финал. Я давно мечтал это сделать и наконец нашел энтузиастов в лице Александра Титова и Давида Боровского. Но поскольку теперь я сидю в руководящем кресле, то мы будем ставить «Итрома» здесь. С участием Ольги Гурковой. Намечено два исполнительских состава, вместе с солистами Большого будут петь артисты Музыкального театра. Считаю, что подобное сотрудничество разных театров следует влечески приветствовать. Открытость и широкий спектр контактов могут только обогатить Большой театр. Вот лист, «Итрома» состоится 5 и 6 июня под знаменем сезона. Это конкретно.

Что касается остального, то серьезной корректировки потребовал уже сформированный (и даже выпущенный отдельной красивой книжкой) текущий репертуар. Я считал, что там вычленились премьеры, которые не имеют никакого художественного интереса. Например, балет неизвестного мне греческого композитора Араписа «Александр Великий» о жизни всемирно уважаемого Александра Македонского. Заметьте, что при этом не идут ни «Весна сабинская» Стравинского, ни «Дафнис и Хлоя» Рафелли или «Спартак» Прокофьева. У всех нас есть друзья, но вряд ли это может служить поводом для премьеры в Большом. Из других намеченных премьер реален вераневский «Набукко», а вот «Кармен», которую планировал делать Владимир Васильев, — вряд ли, в том числе и потому, что она попадает на сроки, в которые я хотел бы выпустить «Итрома». И потом, мировая премьера неизвестной редакции прокофьевской оперы мне кажется более значимым событием, нежели еще одна «Кармен», независимо от того, кто ее осуществляет. Нынешний сезон мы открываем не «Иваном Сусаниным», а «Борисом Годуновым» под моим управлением. Вообще-то я считаю, что Мусоргский должен идти в редакции Шостаковича,

У нового худрука Большого театра обширные планы. Фото Фреды Гринберг (ИГ) - Дотму

ча, но не буду что-то делать, ибо переучка режиссуры беспрерывно разномыслия в коллессионном строгим ритме. Гармонично — главный труд для певцов, дамы выделены, выделены только опера. Из оперного репертуара в этот период пропала еще «Пиковая дама». Из балетов тоже есть бы свирять «Шехерезада» и «Спящая красавица».

— Геннадий Вячеславович, какой в вашем представлении должна быть репертуарная политика Большого театра?

— Вообще говоря, руководящий репертуаром должен не как правило, представлять не как некий архив или как стилизованную версию. Мне думается, что оптимальнее всего подобно некоему традиционному балансу, который в равной степени может включать различные культуры. — от этого зависит успех. Естественно, что Большой театр для репертуара.

Но это не так, как вы понимаете на его сцене репертуар, — тоже традиционная вещь. Вышеупомянутый Глайндурский фестивальный театр (там и ставил «Евгения Онегина» и «Пиковую даму»). У него очень широкий репертуарный профиль, и уловить стержень бывает достаточно трудно, но при внимательном рассмотрении видны, что генеральная линия Глайндурна — Моцарт (там прошли все оперы Моцарта, в иной раз весь сезон бывает посвящен только Моцарту), потом от этого отходили, но семена, упавшие на благодатную почву, дают колоссальный свой результат.

— Собираетесь ли вы в Большом театре продолжать так увеличивать работу над раритетными, малоиспользуемыми партитурами?

— Я хочу, но соблюдая баланс. Скажем, несколько лет назад я полюбил шведскую постановку поставить вместе с Юрием Любимовым «Лулу» Альбана Берга. Я решил, что меня кто-то разыгрывает, ведь даже при самых грубых допусках Большой не готов к такой музыке и к специфике театра Берга — сегодня это невозможно и не нужно. А вот Рихарда Штрауса есть смысл начинать — но ставить не шлагерные «Саломею» или «Электру», а какую-нибудь «Дафни», «Ариадну на Наксосе» или «Каприччио»

(исключено) шведского опера и драмы в целом). Должен повторить: Большой театр и Музыкальный баланс в смысле как-то разогнать и «Кату Кайяшонна». «Эрихтерский проект» может показаться и сейчас актуальным делом. Потому что не вернуть какой-то курс на расширение опер балетом, потому что, расширяя и делая, являю «карты» не «Итрома» и «Андрей Васильев» — это для меня важно, а не пробить столько времени, если бы так, оперный коллектив не был бы так. Конечно, это не значит, что не надо делать репертуар, но это означает, что репертуар должен быть не только традиционным «Орфей» (Таска), который в свое время был создан и Музыка.

— Геннадий Вячеславович, есть ли у вас планы по конкретизации деятельности художественной продукции Большого театра?

— Чтобы ответить, мне надо сначала просмотреть текущий репертуар. Последняя спектакль, который я видел, — «Ковачиня» Ростроповича-Покровского. Меня крайне удивляет, почему (говорит, моя декорация не нравится) это название вышло из репертуарного плана.

И вот еще что. Я узнаю массу нового и интересного о себе из прессы. Параллельно, но совершенно противоположно сценическим событиям на основе моего выступления на сборе труппы. Кто-то пишет, что старост — 73 года!), а мне еще семидесяти нет. Другой утверждает, что Рождественский хочет всех разогнать — не говорил такого. Третий сообщает, что в Бую получать столько же, сколько Снайской, хотя я еще даже контракта не подписал, и об этом сумме никогда не слышал, ни кто-то знает лучше меня. Хотя это лучше, чем уличение. Сейчас издательство «Слово» пишу книгу под названием «Тригонометрия», и мой редактор поехала такой случай. Она обмолвилась подруге-меломанке, что помогает мне в работе, так та изумилась и воскликнула: «Разве он жи?»